

ГЛАЗАМИ

ТЕАТР

СОВРЕМЕННОЙ

Театр имени Ермоловой поставил пьесу Николая Погодина «Мой друг». Не прикованным ли было обращение ермоловцев к пьесе тридцатилетней давности? Смог ли театр создать современный спектакль?

Новая работа стала победой коллектива. Это принципиально смелое и умное современное прочтение советской классики. Конечно, сейчас Погодин иначе писал бы «Моего друга». Но тогда он шел по горячим следам строек. Спектакль, поставленный театром Революции, был как бы отчетом корреспондента с фронтов строительства, агитировал, поднимал энтузиазм. Никому не мешало, что начальники строительства Григорий Гай несколько прямолинейнее, а его борьба с авантюристами Белковским и Елкиным предельно обнажена.

Современный зритель не принял бы упрощенных характеров, лишённых глубокой психологии. Если ставить «Моего друга» по-старому, не получится современного спектакля, денного взаимной творческой взаимопомощности актёров и зрителей.

А ведь постановка театра вышла как раз такой — взволнованной, боевой, актуальной. Это произошло потому, что режиссёр А. Шатрин по-новому прочитал образы пьесы. Герои в спектакле приобрели подлинную сложность и глубину, не потеряв при этом публицистической яркости, броскости. За каждым человеком, проходящим по спектаклю, ощущается его жизнь, его душа, неповторимый склад ума, опрделённое, глубоко личное отношение к главному вопросу жизни — социалистической стройке. Воле охранны Зуб (А. Васильев) на десятки ладов повторяет: «Эх, те...». И всякий раз за этим непонятным выражением встает то боль за стройку, то ненависть к Белковскому, то радость за Гая. В моменты вонцов становится яснее и сам он — немногословный, сдержанный, душой сросшийся с родным делом человек.

Имеют каждая свой топ, свою судьбу, свою жизненную индивидуальность и женщины, что приходят к Гаю требовать возврата своих мужей из-за границы. Великолепная Плачущая (Т. Говорова), смущенно тянется за письмом мучна, улыбается сивозь слезы — к нам ясен

ее чистый, светлый характер. А в мягкости, задумчиво-сдержанной чистосердечности женщины с грустными глазами и робкой улыбкой (великолепно играет Пожилую Э. Урусова) видна не только она сама — простодушный, глубоко сознательный, прекрасный человек, но и ее «старик» Леонтий Афанасьевич, что мыкается по Уралу, и девочка Марейка, что стала мазаться...

За самыми маленькими персонажами пьесы встает жизнь, сложная и трудная, но прекрасная. Пристальное внимание и душевному миру советских людей и сделало спектакль современным — театру удалось в людях 30-х годов, в их жизни уловить многое из того, что присуще нашим современникам, людям 60-х годов.

В этом смысле особенно интересен в спектакле образ Григория Гаю (артист И. Соловьев).

Работа актёра свидетельствует об успешных поисках театром образа положительного героя современности. У актёра, как и у автора, Гай прежде всего — организатор, волевой коммунист, крупный, решительный человек. Но если раньше почти весь образ уместился в эту характеристику, обширную, но далеко не полную, то у Соловьева и Шатрина Гай вырастает в куда более сложный, глубокий характер. Гай в спектакле индивидуален, типичное узнается только через ему одному, Григорию, присущие черты, в то время как у Погодина Гай обобщен, автор словно боялся индивидуальным задонить типическое. Сложность и неповторимость Гаю — то новое, что пришло в спектакль.

В характере, созданном Соловьевым, общественный пафос строителя, убежденного коммуниста неразрывно сочетается с глубоким интеллектом, с многообразным и самостоятельным внутренним миром. А разве не такое вот гармоническое развитие личности отличает подлинного героя современности? Гай неожиданно и закономерно становится в спектакле современным зрителем. Он живет тем же, чем живут они, он такой же, как они, он — их друг.

Конечно, не обошлось и без потерь. Гай в спектакле не просто умен — он интеллектуален, душевно тонок.

Такой Гай вряд ли будет выяснять свои отношения с женой на людях. Не соответствует характеру героя спектакля и некоторая грубость, пришедшая из пьесы. Эти противоречия закономерны, без них не родился бы образ подлинного героя современности в пьесе, написанной четверть века назад.

Получились в спектакле образы Белковского с его наигранным пафосом (Ю. Левяцкий), Кондакова, детины с тусклым взглядом (Ю. Медведев), Елкина, глупого и солидного одновременно (В. Лекарев). Актёры зло высмеивают героев (особенно Лекарев), но нигде не нарушают достоверности характеров. От этого насмешка еще неотразимее бьет в цель.

Театр посвятил постановку «Моего друга» XXII съезду КПСС. Новая работа ермоловцев волнует, в ней много настоящих удач. И это естественно, закономерно. Когда создатели спектакля связывают идеи пьесы с идеями сегодняшней жизни, проверяют характеры героев душевным миром своих современников, пусть пьеса написана давно, — спектакль будет истинно современным.

А. ЯКУБОВСКИЙ.

«Московский Комсомолец»
23 марта 1961.